
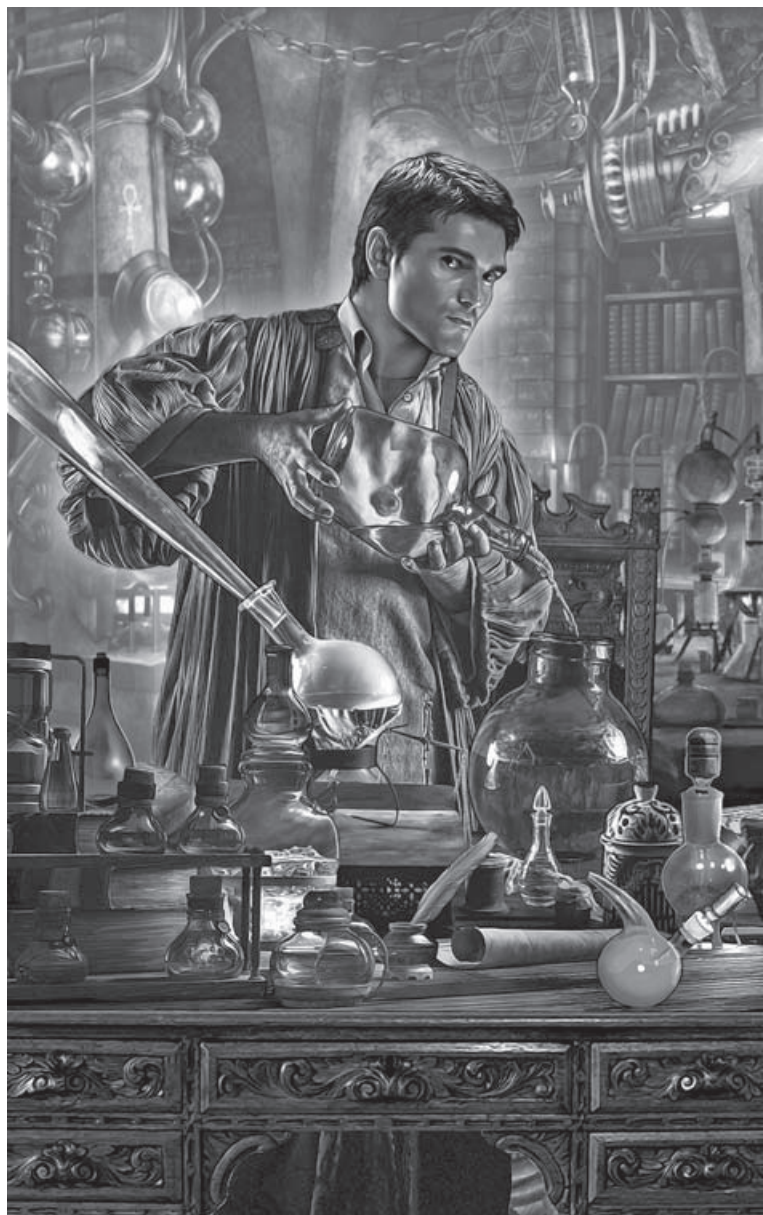

Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева

ТАЙНЫ ИЛЛИРИИ. ПАУК В ЯНТАРЕ
ТАЙНЫ ИЛЛИРИИ. БРАК С ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Точно настроенный часовой механизм завершил оборот, и кованный молоточек гулко ударил по колоколу, установленному в башне ратуши на площади. Бом. Час после полуночи.

Еще утром другие колокола звонили всюю, оповещая жителей окрестных кварталов о свершившемся событии. Весело стучали по мостовой копыта четверки лошадей, а рядом с очаровательной молодой невестой, сидевшей в украшенной лентами карете, на белоснежном жеребце гарцевал, красуясь, сам жених. После церемонии планировали прием в честь бракосочетания лорда Эдвина Осси с госпожой Фаринтой Ридберг, урожденной Ллойд. А в столь поздний час молодые давно должны были скрыться в глубине хозяйской спальни, дабы скрепить свой союз на супружеском ложе.

И кто бы мог подумать...

Я расправила складки подвенечного платья. Туго затянутый корсет с множеством крючков на спине — специально предназначенный для того, чтобы новобрачную освобождали от него ловкие мужские руки, — сковывал движения, вынуждая держать спину прямо. Матрас подо мной был жестким и неудобным, но я не нашла другого места, куда могла бы сесть.

Светильника мне не оставили. Лишь лунные лучи проникали через узкое окно, ложась мелкими квадратами на пол. В холодном синеватом свете мои руки, застывшие на коленях, по белизне могли соперничать с платьем.

Бом. Бом.

Я и не представляла, что день моей свадьбы закончится так. Не могла и помыслить, что проведу ночь не в объятиях любимого супруга, а в темной и сырой камере. Хмурые законники появились почти сразу же после того как я, вдовствующая леди Осси, чей муж трагически погиб, упав с лошади прямо под копыта запряженной в карету четверки, затворила дверь особ-

няка за последним из соблезнующих гостей. Раньше, чем я, слишком ошеломленная всем, что произошло, успела что-либо осознать, меня вывели через черный ход, затолкали в неприметную карету с занавешенными окнами и привезли в городскую тюрьму.

Сначала я тешила себя надеждой, что это хороший знак. Скорее всего, я здесь как свидетель, а значит, законники ведут расследование. Неужели трагедия случилась из-за преступной халатности? Только чьей? Конюха? Но увлеченный наездник и страстный любитель лошадей, Эдвин всегда седлал коня сам... Разве что перед свадьбой было не до этого...

Время шло, часы отсчитывали удары, и вспыхнувшая было надежда таяла. Свидетеля не стали бы так долго держать в камере. Значит... подозреваемая? Могло ли это действительно быть не несчастным случаем, а злым умыслом? Разрезанная подруга? Меткий выстрел, оставшийся незамеченным? Яд? Кто-то убил Эдвина?!

Мысль эта вспышкой пронзила усталый мозг, и, не в силах больше сидеть на месте, я поднялась и начала ходить из угла в угол. Замечала ли я что-то за время подготовки к свадьбе? Волнение, беспокойство, признаки надвигающейся бури? Мог ли Эдвин, спокойный, рассудительный, всегда державшийся в стороне от грязных интриг, оказаться вовлечен во что-то, что стоило ему жизни? Нет, нет и нет. Или все-таки да?

Часы на ратуше пробили три.

Изнеможенная, я вновь опустила на жесткий матрас. Неужели законники оставили меня напоследок? Неужели я главная подозреваемая? Но как...

В двери камеры со скрежетом повернулся ключ.

Двое молчаливых законников вошли внутрь и встали по обеим сторонам от двери, не спуская с меня настороженных взглядов. Накопительные кристаллы в пистолетах тускло светились сквозь кожу кобуры. Сложно было представить, какую угрозу видели служители закона в безоружной девушке, но отнеслись ко мне более чем серьезно.

Гулкие шаги в коридоре возвестили о приближении еще одного человека. Я бросила на него мимолетный взгляд, и все мои надежды, застывшие хрупкими льдинками, разбились о каменный пол камеры. Высокий и сухой немолодой мужчина, затянутый в черную форменную одежду судебных дознавателей — застегнутый на все пуговицы китель с высоким, под горло, воротничком, безупречно отглаженные штаны, черные са-

поги, — носил на лацканах печально известные каждому горожанину символы отдела магического контроля. И плотные кожаные перчатки сказали мне куда больше любых слов. Меня подозревали в применении запрещенной ментальной магии — магии, воздействующей на разум жертвы через физический контакт, кожа к коже. Закрытая форма дознавателя была призвана защитить его в случае, если бы я решилась на какой-либо отчаянный шаг, а охранникам, вероятно, дали разрешение стрелять на поражение. В случае с ментальными магами никакие предосторожности не считались излишними.

Только вот я менталистом не была.

Господин дознаватель устремил на меня пристальный взгляд блекло-серых, словно бы полинявших со временем, глаз. Лунный блик сверкнул на толстых стеклах очков законника, а лицо его в холодном свете приобрело неестественный, мертвенно-бледный оттенок. Сняв очки, он сунул их в нагрудный карман кителя и отступил в тень.

— Госпожа Фаринта Ридберг, — начал дознаватель, намеренно используя фамилию, которую я носила до сегодняшнего дня. Можно было лишь удивиться, как быстро законники и достопочтенное семейство Осси лишили меня связи с Эдвином, пресекая малейшую возможность того, что брак погибшего сына со мной бросит тень на их древний и уважаемый род. — Вас доставили в городскую тюрьму по обвинению в убийстве лорда Эвина Осси. Мы имеем все основания предполагать, что на покойного было оказано ментальное воздействие. Вами.

Законник продолжал говорить, но его слова слились для меня в один неразличимый шум. Убийство. Ментальная магия. Я просто не осознавала того, что слышала. Не могла помыслить о подобном. Как кто-либо мог предположить, что у меня есть причины для такого? Я не охотилась за наследством, не рвалась в высшее общество, не искала выгодной партии. Я любила Эвина. Любила...

Вспыхнувшее возмущение уступило место чувству глухой безнадежности. Дознавателям отдела магического контроля достаточно всего лишь подозрения в использовании ментальной магии, чтобы незамедлительно отправить жертву на костер. А значит, не будет ни расследования, ни суда. Я попросту обречена.

Мужчина сухо зачитал протокол вскрытия и показания судебного лекаря. Ран, признаков отравления или какого-либо иного воздействия немагического характера не обнаружили.

Однако специальные приборы считали четкий след ментальной магии. Такой же, какой позже был найден на мне.

— Покойному лорду Осси следовало задуматься, прежде чем предлагать брак трижды вдове, — произнес дознаватель с презрительной гримасой. — Зная вашу репутацию...

Я вздрогнула. Казалось бы, я проходила через это неисчислимое количество раз. Сколько уже было шепотков и слухов, которыми городские сплетницы обменивались за моей спиной!

«Почему бы ей не выйти за начальника городской стражи? Тот еще тип, никто плакать не станет».

«Фаринта, душечка, а можете и для моего зелья какое сварить? Ну, вы понимаете...»

Пора было привыкнуть. Но так и не вышло.

— Мы подняли некоторые документы, касающиеся вас, — продолжил законник. — И, надо признать, обнаружили много любопытного. Господин Ридберг, ваш третий муж, трагически погиб во время травли вепря. Заядлого охотника разорвали его собственные любимые псы. По рассказам домочадцев, это были идеально вышколенные звери, обожавшие хозяина до щенячьего визга. А вот господин Честер, ваш второй супруг, отравился на вечере карточных игр, куда он пришел вместе с вами. Интересная смерть для мужа женщины, занимающейся изготовлением зелий.

Мне доводилось слышать и такое. Даже те, кто присутствовал на том злополучном вечере, в один голос утверждали, что видели торжествующую улыбку на моем лице, когда я бросилась к умирающему с тщетной надеждой ему помочь.

О гибели третьего мужа я предпочитала не вспоминать вообще.

— Я прошла обучение на помощника аптекаря лишь в прошлом году, — устало возразила господину дознавателю, но тот оставил мои слова без внимания.

— Со сведениями касательно вашего первого супруга пришлось повозиться. Но кое-что найти все же удалось. Желаете послушать?

— Нет, — поспешно ответила я.

— Как скажете. — Господин дознаватель равнодушно пожал плечами. — Три убийства или четыре, в вашем случае — не все ли равно? Все они далеки от трагических случайностей. — Он сделал ударение на последних словах. — Которыми вы, вероятно, хотели бы их представить. Удивительно, что вы не

привлекли внимания представителей отдела магического контроля раньше.

Не дав мне вставить ни слова, законник откашлялся и произнес громко и четко:

— Госпожа Фаринта Ридберг, вы обвиняетесь в убийстве лорда Эдвина Осси, а также в убийстве господина Грэхема Ридберга, господина Лайнуса Честера и почтенного господина Веритаса посредством ментального воздействия. Как вам известно, использование подобного рода магии карается смертной казнью. Вас сожгут на рассвете на Ратушной площади.

Огласив приговор, господин дознаватель повернулся, не дожидаясь моей реакции, и, заложив за спину руки в толстых перчатках, вышел из камеры. Молчаливые охранники последовали за ним. Дверь захлопнулась с громким стуком, который показался мне похожим на выстрел, пронзивший навывлет.

* * *

Я обхватила себя руками, силясь унять дрожь. Все кончено. Эдвин, человек, которого я любила, был моей робкой надеждой на счастливую жизнь. Надеждой, которую судьба жестоко и безжалостно отняла, растоптала копытами по каменной мостовой. Я не успела еще в полной мере осознать случившегося, и, вероятно, мне уже не представится такой возможности.

Может, оно и к лучшему.

Городская тюрьма, одно из старейших зданий в городе, была устроена из рук вон плохо. От стен шел промозглый холод, и тонкий шелк платья не согревал озябшего тела. Я видела, как от моего дыхания в воздухе образуется облачко пара. Тепло, казалось, уходило вместе с самой жизнью. У меня не хватало сил его удерживать.

Я словно замерла, застыла, холодная и бледная, как восковая кукла. Казалось, все мое существо сковала ледяная корка. Такой, бесчувственной и замерзшей, я могла только ждать разрешения страшной ситуации, развязки.

Погруженная в себя, я просидела на кровати без движения до самого рассвета, глядя, как постепенно становятся ярче квадраты света, проникающего внутрь через зарешеченное окошко. Часы на площади, где, вероятно, уже шли приготовления к моей казни, пробили сначала четыре, а затем пять, шесть и семь раз. Незадолго до восьмого удара в камеру вошли уже знакомые мне законники в сопровождении крупной высокой женщины, также одетой в форму дознавателей. Через ее руку

было перекинуто грубое серое рубище — тратиться на одежду для тех, кто в скором времени будет сожжен, в судебном управлении считали излишним.

Коротко переглянувшись, законники повернулись и вышли из камеры. Повыше натянув перчатки и поправив воротничок, женщина подошла ко мне и, заковав руки, приказала повернуться спиной. С трудом заставив двигаться окоченевшие ноги, я покорно поднялась. Сейчас мне было все равно, кого служители закона выбрали для того, чтобы переодеть меня — женщину или мужчину, — но видеть здесь женщину было все же немного приятнее. Мне не отказали хотя бы в такой малости, оставив некое подобие достоинства.

Женщина сноровисто расстегнула корсет, стараясь как можно меньше соприкоснуться с моей обнаженной кожей. Вцепившись железной хваткой в запястья, она отстегнула сначала один наручник, а затем другой и стянула вниз кружевные рукава. Последняя, пусть даже тонкая преграда между кожей и холодным зимним воздухом исчезла, и я почувствовала себя совершенно незащищенной. Женщина положила руки мне на талию и грубо дернула юбку вниз, освобождая от платья.

— Шаг вперед, девочка, — сказала она. — И туфельки тоже придется снять.

Я послушно выскользнула из белого круга шелка, оставив в центре расшитые мелким жемчугом белые туфли. Совершенно невпопад мелькнула мысль, что — как знать — через некоторое время это же самое платье горожане увидят уже на другой невесте. Интересно, известно ли городскому магистрату, что тюремное начальство приторговывает одеждой и имуществом приговоренных к казни?

Впрочем, я не доживу до того, чтобы это проверить.

— Вытяти руки, — приказала законница.

Рубище, предназначенное для узников, скроили так, что надевать его можно было не снимая наручников. Просунуть голову в горловину, опустить два куска ткани спереди и сзади, подпоясать на талии — и готово. Заметив в моей свадебной прическе гребень с драгоценными камнями, женщина потянулась было вытащить его. Последний подарок Эдвина, еще оставшийся у меня — лишенной привычного мира, одежды, защиты, всего человеческого. И я, собрав все силы, в неожиданном для себя порыве дернула головой, уворачиваясь от рук законницы, и отскочила в сторону так, чтобы оказаться к ней лицом.

Женщина отшатнулась, словно увидела в моих глазах что-то жуткое и безумное. Ругнувшись себе под нос, она бросила на меня злобный взгляд, но не решилась еще раз протянуть руку.

— Вперед. И помалкивай.

Стража, ожидавшая за дверью, встала по обе стороны прохода, пропуская сначала законницу с моим платьем и туфлями в руках, а затем и меня. Мы долго шли по коридорам, пока не оказались во внутреннем дворе, где меня ждала закрытая карета, похожая на ту, в которой я прибыла сюда. Внутри уже сидел господин дознаватель.

Я постаралась занять противоположный угол как можно дальше от него. Босые ноги совершенно окоченели от ходьбы по камням и заснеженному крыльцу. Я попробовала хоть как-то прикрыть их своим жалким рубищем, но под тяжелым взглядом законника прекратила бесплодные попытки.

«Ничего, скоро согреюсь», — мелькнуло в голове. Мысль эта показалась мне настолько дикой, что я не удержалась от улыбки.

— Не вижу в вас раскаяния, Фаринта, — проговорил господин дознаватель, скривившись в презрительной гримасе.

* * *

На Ратушной площади все было готово к казни. В воскресный день посмотреть на то, как будут сжигать злокозненную черную вдову, собралась приличная толпа, и законникам пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось расчистить проход к помосту и сложенному рядом костру. Я плелась позади господина дознавателя, и вслед мне летели гневные выкрики. Нашлись и желающие поупражняться в метании камней и тухлых овощей, но до меня долетела лишь пара клубней. Зато, когда тухлое яйцо от особо меткого горожанина приземлилось аккуратно под ногами законника, обдав его начищенные сапоги тучей вонючих брызг, охрана тут же угомонила особо буйных зевак, и остальные предпочли ограничиться сквернословием.

Дознаватель занял место на помосте. Палач, ожидавший рядом с костром, помог мне подняться. Так же как и все остальные, кто знал о приговоре, он старался как можно меньше прикасаться к участкам моего тела, не скрытым рубищем. Я забралась столь высоко, что оказалась на сложенных поленьях практически вровень с помостом.

Поверх выплеснувшегося на площадь моря людских голов я видела каменную ратушу, во все стороны от которой расходились неширокие улочки. За годы, проведенные в городе, я хорошо изучила каждый проулок. Невдалеке виднелась крыша аптеки, где я работала после окончания обучения, рядом стоял дом, выкупленный мною на деньги Ридберга. Чуть поодаль торчали голые кроны деревьев городского парка, где Эдвин признался мне в любви. А первое наше свидание прошло в кофейне напротив ратуши. Я и сейчас видела, как ветер раскачивал ее деревянную вывеску.

Господин дознаватель что-то говорил, люди поворачивались друг к другу, перешептывались, напоминая рокот моря, его темные беспокойные воды. А я смотрела только вперед, не отрывая взгляда слезящихся глаз от поднимавшегося над черепичными крышами солнца. День обещал быть ясным, и зимнее прозрачно-голубое небо расчерчивали тонкие вертикальные полосы дыма, поднимавшегося из многочисленных труб. Картина эта казалась мне безмятежно прекрасной, и от открывавшегося передо мной вида щемило сердце.

— И сегодня справедливость наконец восторжествует, — ворвался в мои мысли голос господина дознавателя. — Убийца будет предана огню, и ее тлетворная магия сторит в пламени вместе с ней.

Толпа одобрительно загудела.

Палач с зажженным факелом в руке подошел к костру.

Солнце, яркое на безоблачном небе, равнодушно освещало площадь.

— Господин законник, а как же древний обычай? — раздался откуда-то из толпы громкий голос, показавшийся мне смутно знакомым.

Дознаватель, палач и я одновременно скользнули взглядами по головам людей, выискивая крикуна. Я заметила его первой, и все внутри сжалось от узнавания. Господин Кауфман, аптекарь, у которого я работала, стоял, глядя на законника прямо и строго. Отчасти я была счастлива увидеть здесь хоть одно знакомое лицо. Но с другой стороны, мне бы не хотелось, чтобы добрый старик стал свидетелем моей казни.

— Как же обычай, господин законник? — повторил Кауфман. — Ежели найдется мужчина, желающий жениться на несчастной, приговоренной к смерти, и взять на себя полную ответственность за ее жизнь и дальнейшие действия, то казнь будет отменена.

Надежда, глупая и бессмысленная, вспыхнула в душе ярче костра, на мгновение согрев мое закооченевшее тело. И тут же угасла, столкнувшись с суровой реальностью. Кто же решится взять в жены четырежды вдову?

Господин дознаватель наконец увидел аптекаря, и губы его искривились в насмешливой улыбке.

— Все правильно, уважаемый господин... Кауфман, верно? Аптекарь. Уж не хотите ли вы сказать, что сами готовы взять в жены свою бывшую помощницу? Да будет вам известно, двоеженство в нашей стране запрещено.

В толпе раздалась редкие смешки. Аптекарь нахмурился, чуть смутившись, но не отвел взгляда.

— Хорошо, будь по-вашему, — произнес господин дознаватель. — Кто из вас, храбрецы, согласится жениться на этой женщине, осужденной за убийство четырех мужей? Есть ли желающие расстаться с жизнью, ощутив на себе смертельную хватку ментальной магии? Может быть, вы? Или вы? Может быть, вы, палач?

Палач равнодушно дернул плечом.

— Да как по мне, ей и тут хорошо, — пробасил он, показывая на костер.

Собравшиеся на площади люди поддержали его одобрительным хохотом.

Законник, вытянув вперед тонкую руку, указывал то на одного, то на другого мужчину в толпе, специально выискивая самых отъявленных забияк. Те отшатывались, бледнели, мотали головами, а затем с удвоенной силой принимались кричать, распаяя остальных:

— Сжечь! Сжечь убийцу!

Господин дознаватель торжествуя улыбнулся.

— Как видите, господин Кауфман, никакой древний обычай не вытащит эту женщину из рук правосудия. Можете приступить, — кивнул он палачу.

Палач с зажженным факелом шагнул ближе. Я вдохнула полной грудью морозный воздух, понимая, что это, возможно, один из последних вдохов в моей жизни.

— Я готов.

Звучный низкий голос разнесся по площади, мгновенно заставив всех до единого замолчать и обернуться. Прищурившись, я различила высокую фигуру в темном плаще, стоявшую почти у самой ратуши рядом с отполированным до блеска самодвижущимся экипажем. Мужчина медленно двинулся впе-

ред к помосту, и горожане расступились перед ним, взволнованно перешептываясь. Он не показался мне знакомым, но я увидела, как господин Кауфман кивнул ему, когда мужчина проходил мимо.

Незнакомец остановился прямо передо мной и дознавателем.

— Лорд Майло Кастанелло, — сухо приветствовал его законник. — Не могу сказать, что я удивлен.

Я с трудом сдержала вскрик.

Лорд Кастанелло, промышленник, меценат и талантливый изобретатель, давно привлекал внимание общества. Но предметом горячих споров и сплетен в клубах и гостиных были все не его успехи и заслуги перед городом и Короной, а загадочные обстоятельства, сделавшие этого еще молодого мужчину трижды вдовцом.

Может ли брак с человеком, который свел в могилу всех своих жен, быть предпочтительнее смерти? Или это всего лишь отсрочка?

Увидев мою реакцию, лорд Кастанелло еле заметно скривился, но затем вновь повернулся к дознавателю.

— Согласно обычаю я имею право взять эту женщину в жены.

— Ваше поместье стоит на землях, не входящих в городское управление, а значит, городские обычаи на вас не распространяются, — сощурился законник.

— Не припомню, чтобы это смущало сборщиков налогов.

Господин дознаватель замаялся. К такому повороту событий он не был готов.

— Вам известно, за какие преступления должны казнить эту женщину? — поинтересовался законник.

— Разумеется, — равнодушно произнес лорд.

— В таком случае не думаю, что магистрат одобрит подобное решение.

— Честно говоря, не вижу причин для отказа. В конце концов, я беру на себя ответственность за все последующие поступки этой женщины и избавляю службу магического контроля от ненужной головной боли. Прошу вас поторопиться, — бросив короткий взгляд на вынутые из нагрудного кармана часы, добавил лорд. — Мне бы хотелось уладить все формальности до обеда.

Толпа застыла в напряженном молчании, стараясь не пропустить ни звука из происходящего у помоста. Для них спор одного из самых богатых и знатных людей города с представи-

телем отдела магического контроля, известным своей принципиальностью, был не менее интересен, чем сожжение менталиста.

Да и, в конце концов, многие понимали, что брак с лордом Кастанелло мало чем отличается от казни.

— Хорошо, будь по-вашему, лорд Кастанелло, — неохотно уступил господин дознаватель. — Я распорядюсь, чтобы вас немедленно приняли в магистрате. Приготовьтесь подписать соответствующие бумаги.

Лорд Кастанелло еще раз взглянул на часы.

— Подъеду через час, — кивнул он. — Приведите мою жену. И оденьте ее во что-нибудь, более соответствующее погоде.

С этими словами лорд развернулся и, провожаемый взглядами изумленных горожан, столпившихся на площади, уверенно направился в сторону своего экипажа.

Господин дознаватель посмотрел на меня с нескрываемым презрением.

— Снимите ее отсюда, — распорядился он, кивнув на гору поленьев.

Палач развязал веревки, грубо дернув запутанный узел. Окоченевшие ноги не могли более удерживать меня, и я чуть ли не кубарем скатилась на каменную брусчатку, поскользнувшись на сложенных бревнышках. Господин дознаватель сделал знак паре охранников, стоявших ближе всего к помосту. Подхватив за руки, законники практически поволокли меня в сторону ратуши, следуя за господином дознавателем. Разочарованные зеваки расходились по домам.

* * *

Первый этаж ратуши занимал дежурный пост законников. После коротких переговоров с находившимися внутри служащими меня втокнули в небольшую комнату, и я сразу же бросилась к горевшему там камину. Накопительный кристалл, подсоединенный к сетке раскаленных проводов, тускло светился, отдавая последние крохи энергии, но мне было достаточно и этого. Я вытянула вперед скованные руки, стараясь хоть немного согреться.

На пороге возникла одна из женщин, работавших в ратуше, и, не подходя близко, повесила на краешек стула, стоявшего возле двери, черное форменное платье и чулки, а рядом поставила невысокие черные сапожки. Я удивленно приподняла брови.

— Ничего другого нет, — ответила законница.

Мне показалось, что господин дознаватель это оценит.

— Вот, наденьте. — Она бросила мне плотные черные кожаные перчатки. — Когда закончите, я раскую вас на время, чтобы вы могли одеться. И не вздумайте делать глупостей. За дверью охрана, я успею подать сигнал.

Я пожала плечами, вытягивая вперед руки в жесте, который уже грозил стать привычным. Женщина сняла наручники и отошла, не мешая мне заниматься платьем.

Я с преувеличенным старанием привела себя в порядок, застегнувшись на все пуговицы до самого воротника-стойки. Законница оказалась настолько любезной, что подождала, пока я переберу волосы и вновь заколю их гребнем, зачесав в более высокую и плотную прическу, схожую с теми, какие приняты у женщин-служащих. Теперь от законницы, стоящей в дверях комнаты, меня отличали только вновь надетые наручники.

Мы вошли в комнату отдыха служащих ратуши. Оглядев меня с ног до головы, господин дознаватель недовольно поморщился. Я встретила его взгляд спокойно и невозмутимо.

— Что, ничего другого не нашлось? — кисло поинтересовался он.

— У нас тут не магазин готового платья, господин дознаватель, — буркнул один из дежурных законников. — Скажите спасибо, что отыскиали хотя бы это. Вы же, кажется, торопитесь.

Господин дознаватель поджал губы, но не нашел, что возразить. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты, а следом за ним повели и меня.

* * *

— Так, значит, вы решили снова жениться, Майло? — Глава городского совета, плотный немолодой мужчина с неожиданно цепким и пронизательным взглядом, развалился в своем кресле, лениво перебирая бумаги на столе толстыми пальцами, унизанными массивными перстнями. — Надо признать, вы выбрали для этого не самый обычный способ.

— Почему бы и нет. — Лорд Кастанелло вертел в руках часы, то открывая, то закрывая крышку. — Я деловой человек, у меня нет времени на глупости и расшаркивания вроде сватовства и ухаживаний.

— Но ведь речь идет о преступнице, — не удержавшись, подал голос господин дознаватель. И добавил, повернувшись к

главе городского совета: — Лорд Ранье, я настаиваю, чтобы эта женщина была казнена.

— Вам-то от этого какой прок, — поморщился тот. — Только казну растрчиваете на эти... — Он мотнул головой в сторону окна. — Представления.

Я не принимала участия в беседе, стояла под надзором двух охранников и украдкой поглядывала вниз через узкое стрельчатое окно на площадь, где законники, отсюда казавшиеся размером не больше булавочной головки, разбирали помост и костер. Некоторые из горожан пошустрее тоже принимали участие в процессе, растаскивая доски на дрова для обогрева домов и лавок.

— Обычай брать в жены женщин, приговоренных к смертной казни, — просто пережиток прошлого, — продолжил господин дознаватель. — Да о нем добрую сотню лет и не вспоминал никто.

— Насколько мне известно, господин законник, — лениво возразил лорд Кастанелло. — Этот обычай так и не отменили. А значит, я вправе взять в жены госпожу... — Он замолчал и поморщился, словно бы только что осознал, что не запомнил моего имени. Или не потрудился узнать.

— Да бросьте, Майло, — добродушно отозвался городской глава. — Если вам так уж хочется жениться, у меня есть племянница, как раз вошедшая в брачный возраст. Могу похлопотать за вас перед ее родителями.

— Благодарю, Сайрус, не стоит, — отмахнулся лорд. — Разве я, как благородный человек, могу бросить прекрасную женщину в беде?

Он повернулся ко мне и посмотрел внимательно, в упор, без тени улыбки. Хоть он и назвал меня «прекрасной женщиной», в его взгляде не было ни капли мужского интереса, ни капли восхищения женской красотой. Лорд Кастанелло глядел холодно, настороженно и цепко, с едва уловимой толикой неприязни, как смотрят на змею, у которой необходимо собрать яд для приготовления целебной настойки.

Лорд Ранье хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Что ж, раз так, не буду отказывать вам в этой малости, мой друг. Но предупреждаю заранее: все вопросы по делу госпожи Фаринты Ридберг... — Городской глава многозначительно посмотрел на лорда Кастанелло, — уже улажены, ее имущество передано в городскую казну. То же касается ее лицензии зельевара и разрешения на работу — с сегодняшнего дня они

больше недействительны. Так что не жди за невестой приданого. Кстати, душечка, — внезапно обратился лорд Ранье ко мне, — леди Осси интересовалась судьбой их фамильного гробня. Не будете ли столь любезны...

— Сайрус, оставь девушку в покое, — поморщился лорд Кастанелло. — Сдался тебе этот гробень. Скажи, что потеряли при обыске, пусть потом твоя почтенная леди трясет господ законников. Уверен, она непременно обнаружит у них что-нибудь, стоящее внимания. Что же до приданого, в нем нет необходимости. Ты прекрасно знаешь, что в средствах я не нуждаюсь, а лишний рот меня не обременит.

Я вновь отвернулась к окну, силясь скрыть ярость и разочарование. Все, чего я с таким трудом добилась, все до последней монеты в один миг оказалось потерянным. Когда-то я пришла в город, сжимая в руках чемоданчик с одной сменой платья, и сейчас вынуждена буду покинуть его, имея едва ли больше, чем тогда. И с кем? С человеком, чье «благородство» отдаст столь ярко выраженным привкусом унижения.

Да провалился бы вовсе этот гробень вместе с леди Осси и всеми законниками вместе взятыми! Если бы только мне разрешено было оставить лицензию зельевара! Тогда всего-то и нужно было бы сбежать от ненавистного лорда, для которого я в лучшем случае лишний рот, а в худшем — очередная несчастная жена, которой, возможно, суждено сгинуть без суда и следствия. Сбежать — и отправиться как можно дальше. Быть может, к морю...

Мои размышления прервало деликатное покашливание городского главы.

— Нужна ваша подпись, душечка. Здесь брачный контракт и документы, подтверждающие ограничение ваших прав в пользу лорда Кастанелло. Все будет заверено соответствующим артефактом, так что искренне не советую нарушать пункты договора. В противном случае сожжение на костре покажется вам куда более милосердной альтернативой.

Лорд Кастанелло уже успел подписать все необходимые бумаги, и теперь договор пододвинули ко мне. Глава городского совета протянул перо, на кончике которого светилась капля чернил. Я расцепила пальцы, чтобы взять его, и только сейчас заметила, насколько сильно, до вмятин на толстой коже перчаток, впивалась ногтями в свои ладони.

— Понимаю, с наручниками не очень-то удобно. — Лорд Ранье сочувственно вздохнул, глядя, как я пытаюсь обмакнуть

перо в магические чернила. — Но, надеюсь, вы простите нас за этот временный дискомфорт. Поставите подпись — и тогда уже ваш муж решит, нужно ли физически ограничивать вашу свободу. В конце концов, согласно древнему обычаю, ему предстоит нести полную ответственность за ваши поступки.

Пробежавшись глазами по документам — полное подчинение супругу, невозможность покидать земли лорда Кастанелло без его ведома и надлежащего сопровождения, невозможность работать, обязательная ежемесячная проверка службой магического контроля — я мысленно попрощалась со свободой и расписалась, воспользовавшись старой фамилией:

Госпожа Фаринта Ридберг.

Теперь леди Фаринта Кастанелло.

— Раз с формальностями покончено, объявляю вас мужем и женой, — с легкой издевкой произнес лорд Ранье. — Можете поцеловаться.

— Эту часть мы, пожалуй, пропустим, — ответил лорд Кастанелло, и я была с ним полностью солидарна.

Лорд в последний раз щелкнул крышкой часов и сгреб документы, не дожидаясь, пока высохнут чернила.

— Ну вот и отлично. — Он поднялся на ноги. — Снимите с леди наручники, и мы вас покинем. У меня еще много дел, я и без того отстаю от графика.

Господин дознаватель с непередаваемой гримасой снял с меня наручники и повесил себе на пояс. Взамен на мое запястье был надет браслет с россыпью светящихся кристаллов — печать, одновременно скрепляющая договор и обеспечивающая его выполнение. Браслет выглядел совершенно новым, и у меня промелькнула мысль, что именно за ним и уезжал лорд Кастанелло в тот час, что прошел с момента его отбытия с площади до прибытия в кабинет главы городского совета.

— Вам несказанно повезло, Фаринта, — обронил господин дознаватель, в упор глядя на меня. — И я сделаю все, чтобы выяснить причину этого везения.

— Будьте добры со всеми вопросами впредь обращаться ко мне, — оборвал его мой новый супруг. — И прошу нас извинить — я спешу.

* * *

Когда мы вновь оказались на улице, Ратушная площадь уже успела приобрести свой привычный вид. Место помоста заняли лавочки торговцев, предлагавших горячее вино и слад-

кую сдобу, уличные кофейни выкатили наружу столики и кресла, на которых лежали стопочками теплые пледы, предлагавшиеся гостям, чтобы те могли насладиться кофе на свежем воздухе. Люди прогуливались, торговались, наполняли корзины, обсуждали последние сплетни за кружкой горячего пряного вина. Чья-то лошадь, запряженная в открытую повозку, испуганно отшатнулась при виде проскочившего по переулку самодвижущегося экипажа, опрокинув часть груза на мостовую, и теперь торговец ожесточенно спорил с извозчиком, выясняя, кто из них двоих будет расплачиваться за убытки.

Шла обычная жизнь, знакомая до последней мелочи. Такая, какую я уже и не чаяла увидеть.

— Наденьте это, — прерывая мои раздумья, лорд Кастанелло снял с себя плащ и протянул мне. Как раз вовремя: стоило нам выйти из ратуши, холод пробрал с новой силой. — Если меня увидят в компании законницы, это может плохо сказаться на деловой репутации. А выяснять, настоящая вы или просто носите похожее платье, никто не станет.

— Другого не было, — зачем-то ответила я, кутаясь в плащ. — И оно не похожее, оно точно такое же.

Лорд Кастанелло открыл передо мной дверцу экипажа, пропуская вперед, а затем сам сел с противоположной стороны и похлопал водителя по плечу, приказывая трогаться. Мужчина вставил узкий кристалл в разъем у руля, и по приборной панели голубоватыми змейками растеклась магическая энергия, посылая заряд двигателю экипажа. Я ощутила низкую вибрацию мотора. Машина сорвалась с места, лихо обогнула торговца и извозчика, которые все еще размахивали руками около разбитых ящиков, и переминающуюся с ноги на ногу лошадь, и понеслась по узким улицам прочь от места моей несостоявшейся казни.

В полумраке салона я украдкой, едва повернув голову, разглядывала лорда Кастанелло. Его прямой профиль с едва заметной горбинкой носа четко очерчивался на фоне окна. Легкая щетина, зачесанные набок темные волосы, шейный платок, повязанный с нарочитой небрежностью, дорогая рубашка и костюм, сшитый явно на заказ, дополняли образ состоятельного делового человека. Он сидел, листая бумаги, вынутые из кожаного портфеля, стоявшего у него в ногах. Чему-то хмурился, постукивал пальцем по выведенным строчкам, несколько раз проверял время по уже знакомым мне карманным часам. Сейчас было заметно легкое свечение, исходившее от их корпуса.

Часы оказались не обычным — пусть и дорогим из-за золотой оправы — механическим изделием, требующим ежедневного завода, а артефактом тонкой ручной работы, вещью, стоившей баснословных, немислимых денег.

Поймав мой заинтересованный взгляд, лорд Кастанелло захлопнул крышку часов и повернулся ко мне.

— У меня есть дела в городе, — сообщил он. — Подождете в экипаже, а после отправимся в поместье. Я отдал распоряжения насчет ужина.

Моего согласия тут явно не требовалось, но я все же кивнула.

Поплотнее запахнула полы плаща, чтобы хоть как-то согреться. За окном мелькали дома и бульвары, мы покидали центр, приближаясь к деловой части города. Мой взгляд, ни за что не цепляясь, скользил по лицам прохожих и стоящим у обочины каретам. Все сливалось в единый пестрый поток, текущий нам навстречу.

Внезапно где-то сбоку всхрапнула лошадь, и этот звук вывел меня из полузабытья. Я вздрогнула и прижалась к окну.

Экипаж сбавил скорость перед поворотом на боковой проулок, и я увидела, как вокруг оседланной лошади без всадника суетятся прохожие, окружив животное плотным кольцом. Я не могла разглядеть, что произошло, но масть лошади и приметную серую звездочку на морде узнала безошибочно, и сердце сжалось, а затем забилось отчаянно и гулко. Подскочив на сиденье так, что потемнело в глазах, я прошептала:

— Остановите.

— Что случилось? — раздался негромкий голос лорда Кастанелло.

— Какого-то бедолагу сбросила лошадь, милорд, — равнодушно откликнулся водитель.

Я услышала, как снова зашуршали листы — лорд вернулся к просматриванию бумаг.

— Остановите! — простонала я уже громче.

Водитель свернул к тротуару.

Меня трясло. Казалось, все чувства, что я сдерживала усилием воли, решили разом вырваться наружу. Я вдохнула — прерывисто, рвано. В горле словно ком стоял — разрастающийся, разбухающий ком.

— Что с вами? — спросил лорд Кастанелло.

Я дернула ручку двери, но та не поддавалась.

— Там Эдвин, — со всхлипом выдохнула я.

Эдвин... Ну почему, почему он не мог, как этот франт Кастанелло, следуя моде, купить баснословно дорогой самодвижущийся экипаж? Зачем решил ехать верхом? Я словно наяву ощутила, как тряхнуло тогда карету, как гулко вскрикнул кучер, как завывла-застонала почтенная леди Осси, мать Эдвина, ехавшая чуть сзади в открытом экипаже. Я вновь потянула за ручку, отчаянно желая выскочить наружу и броситься туда, где лежал упавший с лошади всадник.

Моего лба коснулась рука в тонкой кожаной перчатке. Вторая рука перехватила запястья, вынуждая откинуться на сиденье.

— У нее жар. — Слова лорда слышались как сквозь толщу воды, едва доходя до сознания. — Галлюцинации.

Я дернулась еще раз, но хватка у лорда Кастанелло была крепкой.

— Едем домой, — коротко бросил он водителю, и экипаж тут же тронулся.

Я обернулась к лорду, чтобы хотя бы попытаться уговорить его вернуться, но перед глазами все расплывалось. Сознание покинуло меня, и последним, что я услышала, погружаясь в беспамятство, был шорох листов, соскользнувших вниз с колен лорда Кастанелло.

* * *

Я приходила в себя медленно, выплывая из забытья, в котором снова и снова переживала смерть Эдвина. Тело, ослабленное лихорадкой, не слушалось, голова казалась тяжелой, налитой свинцом.

В полубреду мне виделись неясные силуэты людей — приходивших и уходивших, осматривавших меня, о чем-то негромко переговаривавшихся. Одним из них, как мне казалось, был сам лорд Кастанелло. Он выглядел то ли озадаченным, то ли недовольным: брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Другой мужчина — вероятно, лекарь — что-то говорил ему, но я не могла разобрать слов.

С трудом открыв глаза, я обнаружила, что лежу в незнакомой комнате на кровати, по самый подбородок накрытая пуховым одеялом. Полог кто-то отдернул, так что можно было разглядеть в дальнем углу массивный шкаф и небольшой столик, на котором стояли стакан, кувшин с водой и несколько баночек с порошками и таблетками. Потянувшись за стаканом, я обнаружила, что меня переодели в ночную рубашку из тон-

кого хлопка, оставив, однако, перчатки, которые я получила в ратуше перед встречей с лордом Кастанелло и главой городского совета. Что ж, удивляться нечему: мало кто решится за просто прикасаться к женщине, обвиненной в использовании ментальной магии.

Воспоминания о последних полутора сутках, что я провела перед тем, как сдать лихорадке, вызванной холодом и нервным истощением, постепенно возвращались, вызывая в голове болезненные спазмы. Заставив себя приподняться на подушках, я налила стакан воды и, отыскав среди баночек болеутоляющий порошок, отмерила себе нужную порцию, предварительно убедившись по вкусу и запаху, что он приготовлен верно. Даже столь нехитрое действие потребовало от меня огромного количества сил, и, вернув стакан на столик, я сползла на подушки, надеясь поспать еще немного.

В дверь деликатно постучали.

— Войдите, — отозвалась я. Голос звучал хрипло, надтреснуто.

Горничная, невысокая женщина средних лет, проскользнула в комнату с горячей грелкой в руках.

— Миледи. — Она чуть присела, поклонившись, и, не дожидаясь ответа, опустила у изножья кровати.

Я наблюдала, как женщина ловко вытаскивает остывшую грелку и меняет ее на новую, и не могла решить, стоит ли заводить разговор.

Закончив свою работу, горничная окинула меня равнодушным взглядом.

— Обед принесут в час пополудни, — сообщила она мне и, еще раз поклонившись, вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

* * *

В течение следующих нескольких дней, которые я провела в постели, горничная заходила ко мне только для того, чтобы оставить на столике поднос с едой, а после забрать его почти нетронутым, да поменять грелку или перестелить белье. Никогда женщина не пыталась заговорить со мной, а на вопросы отвечала уклончиво или предпочитала отмалчиваться. Лорд Кастанелло не появлялся вовсе. Когда же я поинтересовалась у горничной, зашедшей за подносом, могу ли увидеть супруга, женщина смерила меня долгим взглядом и сухо произнесла:

— Милорд не имеет привычки рассказывать нам о том, где находится, миледи. А теперь прошу меня извинить.

Дверь вновь захлопнулась, отсекая меня от прочих обитателей поместья, и я устало откинулась на подушки, все еще не чувствуя в себе силы выйти за порог комнаты.

Все это до дрожи, до оторопи напоминало тот, другой огромный дом, где я оказалась невольной пленницей, в надежде расплатиться с долгами, оставшимися от второго мужа, беспечного гуляки Лайнуса, приняв предложение Грэхема Ридберга. После роскошной и пышной свадьбы, устроенной лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза всем сплетникам, распускавшим грязные слухи о, скажем так, нетрадиционных предпочтениях уважаемого господина, Грэхем привез меня в свою загородную усадьбу и полностью потерял ко мне всякий интерес. Наши встречи ограничивались лишь редкими выходами в свет, где мне надлежало производить впечатление довольной и счастливой госпожи Ридберг, не обращая внимания на крепкую, до синяков, хватку, которой Грэхем стискивал мое плечо, рстачая во все стороны обаятельные улыбки.

Таковы были условия нашей сделки. Господин Ридберг оплачивал все мои немаленькие долги, а я взамен стала щитом между ним и мнением общества.

В своей усадьбе Ридберг не считал нужным притворяться. Мужчины приезжали и уезжали, не скрываясь, а я старалась не попадаться им на глаза, чтобы лишний раз не становиться предметом презрительных насмешек. Грэхем был мне противен, равно как и его интересы, и в этом единственном вопросе наши чувства оказались полностью взаимными.

Все слуги до одного знали об увлечениях хозяина и верно оценивали мое положение, подчеркнуто игнорируя существование госпожи Ридберг. Большую часть времени я была предоставлена самой себе, ограниченная в перемещениях садом и библиотекой. В библиотеке я штудировала все книги из университетской программы, которые только могла найти, втайне лелея мечту однажды пройти обучение, получить достойную профессию и перестать, наконец, зависеть от мужчин. Один раз я даже рискнула отправить запрос с просьбой зачислить меня вольной слушательницей и тем же вечером имела возможность наблюдать, как Грэхем вскрыл, прочел и разорвал письмо, глядя мне в глаза. Казалось, этот небольшой спектакль со мной в главной роли был единственным случаем за все годы совместной жизни, когда я доставила ему удовольствие.

Я никогда и никому не пожелала бы такой смерти, какая постигла Грэхема Ридберга во время охоты. Но, стыдно признаться, после его кончины я испытала невероятное облегчение.

Получив долгожданную свободу, я смогла исполнить давние мечты. Окончила университет, получив заветную лицензию зельевара, нашла работу у уважаемого в городе аптекаря господина Кауфмана, обустроила по собственному вкусу небольшой уютный дом. И практически забыла о трех мучительных годах, проведенных в третьем браке.

Но сейчас, вновь запертая в четырех стенах и забытая обитателями поместья лорда Кастанелло, я думала, что, может быть, расплачиваюсь за давние жестокие мысли...

* * *

В шкафу обнаружилась кое-какая одежда простого кроя, приблизительно подходящая мне по размеру. В знак траура по Эдвину я предпочла черное платье. Одевшись и более-менее приведя себя в порядок впервые с того дня, когда оказалась в поместье, я вышла из комнаты. У меня не было часов, но по внутренним ощущениям и положению солнца, ярко светившего в окно, мне казалось, что близилось время обеда. Я рассчитывала в этот час встретить хоть кого-то из обитателей дома.

Вынужденное безделье тяготило, вопросы и сомнения не находили разрешения. Для чего лорду Кастанелло нужен брак с женщиной, обвиненной в использовании ментальной магии? Что он намеревался со мной сделать и почему за все дни моей болезни так ни разу и не появился, чтобы сообщить об этом?

Мои шаги гулко отдавались в тишине дома. Массивные двери с коваными ручками были заперты, задернутые шторы на окнах не пропускали ни лучика света. Едва заряженные накопительные кристаллы погружали коридор в тусклый полумрак, достаточный лишь для того, чтобы различать, куда идешь — и не более. Казалось, в этом крыле дома жила я одна.

Я отодвинула тяжелую портьеру и, выглянув в окно, сощурилась от белого света, мгновенно ослепившего меня после темного коридора. Когда глаза немного привыкли, я смогла разглядеть парадный вход с двумя полукружьями лестниц по бокам и уходящую вдаль аллею, заканчивающуюся темными воротами. Свежие следы шин чернели на припорошенной снегом дороге, и я испытала разочарование. Лорд Кастанелло, скорее всего, недавно покинул поместье.

По обеим сторонам от аллеи раскинулся сад — искусный лабиринт из деревьев, стриженных в виде причудливых фигур, и низкого кустарника, с фонтанами, сейчас безмолвствующими, беседками и скамейками. Снег лежал на дорожках ровным белым слоем, и я решила, что вряд ли кто-то, кроме садовника, имеет обыкновение бывать здесь.

В этой заброшенной нетронутой красоте скрывалось что-то, притягивающее взгляд. Словно воспоминание о славном прошлом старого поместья. Вероятно, род Кастанелло некогда был многочисленным и влиятельным, а ныне его представителем остался один лорд Майло. Ждал ли этот пустой и холодный дом хозяйку, которая вновь вдохнет в него жизнь?

Впрочем, эта роль явно предназначалась не мне.

Я потянула плотную ткань, занавешивая окно, и продолжила путь. Контраст между миром снаружи — ярким, светлым, огромным — и мрачной пустотой поместья лорда Кастанелло был почти физически ощутим. Одетая в черный шелк, идущая по погруженному во тьму коридору, я чувствовала себя привидением, затерянным среди покинутого дома. Отчаянно хотелось отыскать хоть одну живую душу. И — я вздрогнула, некстати вспомнив сплетни, ходившие о браках лорда Кастанелло, — желательно не увидеть ни одной мертвой. Не встретить призрака, поверить в существование которых здесь было легко.

Полутемное крыло заканчивалось спускающейся вниз лестницей. С другой стороны от нее располагалось еще одно крыло, столь же темное, как и то, в котором поселили меня. Я могла лишь гадать, где должны располагаться покои хозяина дома, — настолько все казалось пустым и необжитым.

Нижний этаж призывно манил теплым светом, но я по-прежнему не видела и не слышала никого из обитателей поместья. Я осторожно спустилась вниз, стараясь производить как можно меньше шума, и замерла у приоткрытой двери, откуда выбивался тоненький лучик. Прикоснувшись пальцами к дверной ручке, я потянула ее на себя.

— Миледи, — раздался за спиной незнакомый голос.

От неожиданности я отдернула руку и отпрянула в сторону. В глазах тут же потемнело: едва оправившийся от перенесенной лихорадки организм протестовал против столь резких движений.

Передо мной стоял мужчина, по форменной одежде которого я предположила, что он служит у лорда Кастанелло дво-

рецким. Он смотрел на меня с равнодушием и безо всякого уважения, неосознанно вызывая воспоминания о слугах в доме Ридберга.

— Что миледи здесь делает?

Я вдохнула и медленно выдохнула, собираясь с мыслями.

— Я ищу лорда Кастанелло.

Дворецкий шагнул в мою сторону так, чтобы двери комнаты оказались за его спиной, и плотно затворил створки.

— Милорд уехал в город, — сообщил мужчина. И, пресекая дальнейшие вопросы, добавил: — Мне неизвестно, когда он вернется. Но я могу передать, что миледи о нем спрашивала.

— Благодарю, — ответила я.

Дворецкий зашагал в сторону лестницы, жестом показав идти за ним. Я покорно поплелась следом, гадая, в чем же причина такой скрытности.

— Позвольте пояснить кое-что, миледи, — с нажимом сказал дворецкий. Остановившись посреди лестницы, он заглянул мне в глаза, и взгляд его был полон неприкрытой неприязни. — Лорд Кастанелло не любит, когда кто-то в его отсутствие разгуливает по дому. Особенно это касается второго этажа. Он также не одобряет ничего, что может отвлекать его от привычного распорядка дня, как то: совместные обеды, поездки и все прочее. Кроме того, слугам были даны четкие указания следить, чтобы миледи нигде не появлялась без пары перчаток. Которых, как я погляжу, на миледи сейчас нет.

— Милорд мог бы сообщить об этом мне лично, — с трудом скрывая раздражение, произнесла я.

— Вероятно, милорд не счел это необходимым. — Дворецкий жестом предложил продолжить путь.

Он шел по коридору, оборачиваясь через каждый шаг, словно опасался, что я сбегу, стоит ему на секунду выпустить меня из поля зрения. У дверей моей комнаты дворецкий поклонился и коротко сообщил:

— Обед принесут через полчаса.

Дверь закрылась за моей спиной.

Я вдохнула.

* * *

Лорд Кастанелло появился вечером того же дня. Коротко кивнул вместо приветствия, размышляя, казалось, о чем-то, со мной совершенно не связанном. Будто визит к супруге, про-

диктованный данью вежливости, был для него пустой тратой времени.

Вынув часы, на этот раз не светившиеся, лорд задумчиво посмотрел на циферблат.

И тут же впился в меня цепким и внимательным взглядом.

— Что-то не так? — спросила я, сбитая с толку его странной реакцией.

Он не ответил. Молчание, долгое и тягостное, повисло между нами — настолько осязаемое, что я слышала, как двигаются в карманных часах крохотные шестеренки, отсчитывая секунды. Бом. Бом. Лорд Кастанелло смотрел на меня, почти не мигая, и сердце испуганно замерло, а затем забилось, обгоняя ровный бой часов.

Что понадобилось от меня этому загадочному и пугающему человеку?

Спустя, казалось, целую вечность лорд отвел взгляд, вновь потеряв ко мне всякий интерес. Я выдохнула, словно невидимая рука, почти сомкнувшаяся на горле, ослабила хватку, разжав сведенные пальцы. Но вместе с вернувшимся самоконтролем пришла злость. Злость на вопросы без ответов, на выводившую из себя неприязнь, читавшуюся в глазах лорда, на подчеркнутое равнодушие, как будто я значила в его жизни не больше, чем вещь или инструмент.

Словно я и вовсе не была человеком.

— Бойтесь уделить супруге лишнюю минуту вашего драгоценного времени, милорд? — поинтересовалась я, вкладывая в вопрос весь сарказм, на который была способна.

— Можете спуститься вниз, — коротко ответил он, захлопывая крышку своей дорогой игрушки. — Ужин накрыт в столовой.

— А вы? — вырвалось у меня.

Лорд Кастанелло покачал головой:

— Дела. Прошу меня извинить.

Я не решилась послушаться, хотя больше всего после разговора с лордом Кастанелло мне хотелось запереться в своей комнате и не выходить оттуда, пока экипаж супруга вновь не скроется за воротами поместья.

Столовая была пуста. Светильники источали приглушенный свет, бросая причудливые блики на позолоченную лепнину и рамы огромных картин. Величественные мужчины и женщины, изображенные на темных холстах, безмолвно взирали на меня, и глаза их, прорисованные до мельчайших деталей,

казалось, следили за каждым моим шагом, от чего я чувствовала себя неуютно. Стол, способный вместить несколько десятков гостей, был сервирован на две персоны: одно место во главе и еще одно — рядом.

Лорд Кастанелло так и не спустился в столовую. Горничная, принеся ужин, поставила передо мной тарелку и без единого слова убрала приборы, предназначенные для хозяина дома.

Кусок не лез в горло. Я снова и снова вспоминала каждую деталь нашей беседы и все больше убеждалась в том, что что-то пошло совершенно не так, как рассчитывал лорд Кастанелло. Случилось что-то непредсказуемое, и я не могла решить, хорошо это для меня или плохо. Мне нужно было понять это и одновременно — мне не хотелось знать ответ.

* * *

Мне не спалось. Я лежала в постели, думая о лорде Кастанелло, его женах, гибели Эдвина, Грэхема и Лайнуса, приговоре, заточении, и круг замыкался, вновь возвращая меня мыслями к новому супругу. Казалось, этому не будет конца.

Вдруг слухи о том, что смерти трех леди Кастанелло не случайны, не просто слухи, и я обречена стать в этом трагическом списке четвертой? Или это все пустое и надуманное, как и обвинения, предъявленные мне?

Что я знала о человеке, ставшем моим мужем? Промышленник, меценат, владелец фабрик и заводов по производству накопительных кристаллов, без которых сейчас трудно представить нашу жизнь. «Современные магические технологии», предприятие лорда Майло Кастанелло, сделало кристаллы дешевле и доступнее. Раньше лишь аристократы могли похвастаться дорогими магическими артефактами, произведенными на заказ немногочисленными мастерами, тщательно оберегавшими секреты ремесла. Теперь же кристаллы были в светильниках и каминах зажиточных горожан, в лабораториях университетов, в больницах, в заводских станках, на вооружении законников и армии.

Молодые дворяне из обедневших родов жаждали получить назначение на одно из предприятий лорда Кастанелло, где навыкам артефакторов находилось самое широкое применение. В Королевском магическом университете Аллегранцы, где я училась, преподаватели отзывались о Майло Кастанелло как о

новаторе, внесшем неоценимый вклад в развитие науки, а студентки мечтательно вздыхали о красавце-аристократе.

А потом лорд Кастанелло женился во второй раз. И в третий. И среди женской половины университета поползли уже совсем другие слухи.

Яркий луч света ворвался в окно, пробежал по потолку, на мгновение рассеяв ставший уже привычным полумрак, и я чуть не подскочила от неожиданности. Выскользнув из кровати, я на цыпочках подошла к окну, притаившись в тени за портьерой так, чтобы меня сложно было увидеть с улицы.

По заднему двору, обычно пустующему, метались лучи ярких светильников. Я различила высокий силуэт дворецкого и еще двоих мужчин, которых не встречала в доме ранее. Они одну за другой осматривали хозяйственные пристройки, и круги света скользили по двору, выхватывая то столб незажженного фонаря, то стену сарая, то темные свечи высоких деревьев, что росли вдоль забора, опоясывающего территорию поместья. Казалось, мужчины искали что-то или кого-то, но двор был пуст.

Не прошло и минуты, как внизу появился сам лорд Кастанелло. В полурасстегнутой рубашке, взъерошенный, он был лишен привычного франтоватого лоска и брезгливой отстраненности. Мне показалось, он выглядел взволнованным. Перекинувшись парой слов с дворецким, лорд без промедления направился в сторону домика у самой границы поместья, который я приняла за сторожку, и исчез внутри.

Мужчины закончили осмотр двора и вернулись в дом, а лорд Кастанелло все так же не показывался. Я застыла у окна, не в силах вернуться обратно в постель, пока не узнаю, чем же закончится это таинственное ночное происшествие.

Долго, невыносимо долго ничего не происходило. Я подумала было, что милорд мог и заночевать в сторожке, но тут дверь открылась, и оттуда, заметно пошатываясь, вышел лорд Кастанелло. Он сделал знак рукой, и от крыльца к нему навстречу с плащом в руках бросился дворецкий. Мужчины ненадолго зашли внутрь, а когда они вновь показались на пороге, лорд нес что-то, плотно завернутое в плащ. Расширенными от ужаса глазами я смотрела, как лорд Кастанелло поудобнее перехватил свою объемную ношу, направляясь вместе с ней в сторону дома. Луч света, бивший из распахнутой двери, на мгновение выхватил две темные фигуры, а потом козырек крыльца скрыл их от меня, и я захлебнулась безмолвным кри-

ком. В неровном свете мне показалось, что сверток в руках шевельнулся. Я разглядела, что рукава и ворот рубашки лорда Кастанелло забрызганы темными пятнами. И готова была поклясться, что это кровь.

Я без сил сползла на холодный пол, закрыв голову руками. Что же на самом деле творится в этом пугающем доме?

* * *

Пролежала в кровати до рассвета, так и не сомкнув глаз. Снаружи было тихо. Не метались тени, никто не покидал пределов дома до тех пор, пока ранним утром не приехала повозка, доставлявшая в поместье молоко, яйца и сдобу. Так же, как обычно, на заднем крыльце появилась экономка, кухарка проворно затаскивала корзины в дом, кокетничая с молодым извозчиком. Словно и не было ночного происшествия, словно никого больше не разбудили шум и крики, не удивило, что лорд Кастанелло вернулся из жуткой сторожки на окраине поместья весь в крови, неся что-то, до боли похожее на мертвое тело.

Скользнув к окну, я чуть приоткрыла створку, чтобы слышать, что происходит внизу.

— Не запирайте калитку, голубчик, сейчас прибудет еще одна повозка, — напутствовала экономка извозчика, отослав хихикающую кухарку прочь.

— Какой разговор, — откликнулся извозчик с козел, стегнув лошадей. — До завтра, госпожа Ленс. И передайте молодой...

— Да езжайте уже! — замахала на него руками экономка.

Повозка тронулась и вскоре пропала из виду. Экономка так и стояла на крыльце, провожая ее взглядом. Вскоре к ней присоединился дворецкий.

— Милорд просил спросить, скоро ли, — негромко начал он, но экономка тут же на него зашикала, и мужчина понизил голос так, что я уже не могла разобрать слов.

— Ох, бедняжка, — покачала головой женщина. — Всякий раз, как подумаю, у меня сердце разрывается.

Я вздрогнула. Они говорили о человеке, которого, быть может, вынесли вчера из сторожки завернутым в плащ лорда Кастанелло — или же речь шла обо мне?

— А что, думаешь, супруга-то нашего милорда... — задумчиво проговорил дворецкий, подтверждая мои худшие предположения.

Слуги зашептались, перемежая слова восклицаниями «Какой ужас!», «Что, думаешь, и ее?», «А она?». Экономка охала, прижимая тонкие руки к груди, дворецкий отвечал сухо, то и дело поглядывая через плечо женщины на дорогу, ведущую к крыльцу. Я, как могла, вслушивалась в их беседу, стараясь уловить хоть слово, но мое окно было слишком далеко от крыльца.

— Как бы то ни было, ее черед следующий, — веско сказала экономка, и оба работника замолчали, соглашаясь с чем-то, чего я не сумела расслышать.

Воображение тут же принялось рисовать картины, одна хуже другой. Вот лорд Кастанелло появляется на пороге моей комнаты среди ночи в окровавленной рубашке и, зловеще усмехаясь, приказывает следовать за ним. Вот я замираю у входа в сторожку в одной тонкой белой сорочке, незащищенная перед ледяными зимними ветрами и жутким человеком рядом. Вот запрокидываю голову, с мольбой вглядываясь в его красивое равнодушное лицо, но лорд безразличен к моим страданиям. Дверь с громким хлопком закрывается за моей спиной, отрезая меня от последнего шанса на спасение. И вот я уже словно со стороны вижу, как меня полумертвую поднимают, заворачивают в толстый плащ, и свет меркнет перед глазами. А вот...

Скрип колес возвестил о прибытии второй, закрытой повозки. Извозчик, на этот раз немолодой и молчаливый, коротко кивнул дворецкому и экономке. Двое слуг, запомнивших по ночным поискам, вышли из дома, неся перевязанный бечевкой огромный мешок. Плаща я не заметила, но почему-то была уверена, что это та же неизвестная ноша, что находилась в руках лорда Кастанелло несколько часов назад. Мужчины погрузили мешок внутрь повозки, извозчик принял деньги и, развернувшись, уехал.

Я медленно и тихо затворила окно. Слухи о безвременной кончине жен лорда Кастанелло казались мне сейчас реальными, как никогда.

Стук в дверь заставил отпрыгнуть от окна. Сердце забилось так отчаянно, словно за дверью уже стоял лорд, не пожелавший дожидаться, когда закрытая повозка появится в поместье в следующий раз. Но это оказалась всего лишь горничная, которая принесла завтрак.

— Миледи что-то тревожит? — поинтересовалась женщина, окинув меня взглядом.